

# «МЫ ОСВОБОЖДАЕМ СМЕХОМ»

(ОКОНЧАНИЕ.  
НАЧАЛО НА 1-й СТР.).

— Над верой. Над матерью, любовью, Господом. Ведь что такое Господь на Земле? Это любовь. Каждый исповедует свою веру, и над ней смеяться нельзя. Над религиозностью — можно, когда она становится уже средством, скажем, для карьеры.

— Михаил Николаевич, а когда вы начали шутить профессионально?

— Когда понял, что деньги за это платят. Я когда за первые миниатюры, исполненные артистами, гонорар получил 800(!) рублей, на меня такое вдохновение вдруг нашло, мне так писать захотелось! — смеется Задорнов. — И я сам пошел выступать. Чего я буду другим деньги отдавать?

А в детстве было ощущение, что нет никакого чувства юмора. Правда, мне удавалось раз в год сострить так, что класс смеялся. А первый каламбур родился в восемь лет. Я спел тогда: «Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная Задорнова огня?» А в «Огоньке» я регулярно смотрел карикатуры и ничего не понимал. Но, может, тяга к юмору была заложена где-нибудь в подкорке?

— Тем не менее поступили вы в МАИ.

— Да, и участвовал в самодеятельности института. Потом много путешествовал по стране, работал в ботанических экспедициях по изучению гигантизма среди травы, побывал на Курильских островах, в Приморье. Будучи журналис-

том, поболтался по БАМу. Меня не интересовала стройка века, мне были любопытны люди. Я писал очерки о мостостроителях. Побывал у пограничников на золотых приисках. Там, кстати, появилась моя нелюбовь к плакатам, о которых я первый стал говорить.

А из «Юности», где работал заведующим отделом сатиры и юмора, я ушел, когда там отказались печатать Жванецкого. И меня пригласили работать на Лубянку. Я вел в КГБ кружок художественной самодеятельности. Эта страница моей биографии еще не известна, а мы замечательный спектакль поставили про наших разведчиков во время войны. У меня, кстати, есть режиссерские способности, о которых никто не знает. Ведь и ток-шоу (вторая часть моего концерта) выстроена не по-писательски, а по-режиссерски.

— Помогла вам потом работа в КГБ?

— У меня никогда не было неприятностей с ними из-за моих шуток. Ну а если серьезно, я там преподавал ребятам сценическое мастерство, потому что скороговорки никто не мог произнести. Я выучил все это сам, почитал Станиславского. Недавно поставил пьесу в одном театре, и все — профессионально.

А вообще я много хорошего повидал в жизни. Я знаю, существуют вещи, гораздо более глубокие, чем моя сатира. Поэтому, конечно, я буду уходить из этого жанра.

— И в каком жанре увидим мы Задорнова?

— Мы недавно сняли с телевизионной группой фильм о русско-японских отношениях прошлого века. Добрая история получилась, чудная. Мне хотелось бы написать роман. Слены есть, а талант... Надеюсь, тоже. Роман будет называться «Любовь и нефть». Бег на земле — это любовь, а привит миром — нефть. И национализм, между прочим, движет нефть. Национализм — ведь это тоже бизнес.

— А пока вы написали пьесу «Последняя попытка».

— Да, это последняя попытка влюбленной девочки быть с возлюбленным, последняя попытка жены с мужем начать новую жизнь. Но режиссеров не волнует это. Они называют пьесу: «Куплю мужа», «Пришла купить мужа»... В ваш город мы привезли спектакль «Продайте мужа». Что получилось — судить вам.

— Михаил Николаевич, а почему вы называете наш город Ленинградом? По привычке или принципиально?

— Не знаю, скорее, по ощущениям. Знаете, я вам тоже предлагаю: заходите в магазин и говорите: «У нас в Ленинграде ничего нет», приходите в Эрмитаж: «Посмотрите, какой Рубенс в Санкт-Петербурге!». Иначе выходит: граф Монте-Кристо упал с коня и расквасил себе харю. Ну а так получится незапланированный рейтинг: какое название будет чаще употребляться.

А еще я вам советую — нужно выпустить глобус Санкт-Петербурга!

Шекия АБДУЛЛАЕВА